

ЦВЕТИ, КАЗАХСТАН, КАК ТЮЛЬПАН ПО ВЕСНЕ

Людмила МЕЛЬНИК
г. Тараз

Урюк зацвел

Урюк, наивный в нетерпении своём,
Распущенный цветением весенним,
Стоит, нетерпеливый, среди крон
Ещё не пробудившихся деревьев.

Зарозовел он, но не от стыда.
Решил поторопить чреду событий.
Уже сошла весенняя вода,
Так почему ж не выйти из укрытий?

Цветы расположились на ветвях,
Поют весне свои цветные оды.
Урюк же удивляет всех и вся,
И даже пчёл, еще не вскрывших соты.

Торопится он жить, любить, цвести.
Весну торопит, чтобы шла быстрее.
Но очень скоро, тропы замостив,
Все лепестки погибнут средь деревьев...

Разные окна

Разные окна, разные двери,
Разные люди, разные судьбы.
Кто-то в любовь безрассудную верит,
Кто-то обиды никак не забудет.

В разных квартирах разная мебель,
В комнатах ветер свихнувшийся бродит.
Кто ему на слово снова поверит?
Кто его снова нарядит по моде?

В каждом окне искры, отблески, тени.
Двери открыты для разных историй.

Разные повести, разные темы,
Разное счастье, разное горе.

Разное всё в относительном мире,
Только одно безусловно на свете –
В окна родные и в окна чужие
Солнце всегда одинаково светит.

Буднее утро

Буднее утро тревожно и чутко –
Спать уже поздно, остались минутки.
Каша и кофе. Пора на работу.
Каждое утро такие заботы.

Пара минут, чтоб забраться в машину,
Тело ещё не расправило спину.
Солнце смеётся: проснись наконец-то
И занимай своё прежнее место.

А на дороге авто вереница,
И через пробки порой не пробиться.
Каждое утро начать очень трудно.
Лишь в воскресенье посплю непробудно.

В поисках тепла

Простите, вам не встретилась весна?
Прекраснейшая дама с теплым взглядом?
Ах, что вы! Утешать меня не надо,
Я знаю, что в лесу ещё она.

Там на пригорках кое-где тепло,
Снег тает, чтоб подснежники проснулись,
Чтобы потом вокруг все улыбнулись,
Чтобы потом вокруг всё расцвело!

Ищу весну уже я третий день.
Следы под снегом где-то затерялись.
Мы год назад друг с другом попрощались,
А ей наверно, к нам вернуться лень.

Облако-конь

Вы смотрите на небо и меня
Под этим южным бирюзовым небом.
А я смотрю на облако-коня,
Что побежал за ярким солнцем следом.

И облако такое – без дождя –
Парит себе на ярком небосводе.

Вы смотрите и видите себя,
И наблюдаете, как май уходит...

Подсохли лужи в северных дворах,
Листва на тополях набрала силу.
Вы смотрите на небо в облаках
И на меня – я мимо проходила.

Потихоньку ржавеет листва

Потихоньку ржавеет листва
На макушках таразских деревьев.
Осень тихо вступает в права,
В свои силы и славу поверив.

Утром солнце бросает в глаза
Искры луж и росы на газонах.
Почему мне никто не сказал:
«Это осень, и это бесспорно?»

Прикоснусь к тени туч на стене,
Звук дождя пропущу через душу.
Нынче осень приходит ко мне,
Мои планы невольно нарушив.

Дружит с ветром она, что принес
В древний город прохладу зачем-то.
Осень ходит в короне из звёзд,
Даже если вокруг много света.

И, бесспорно, мне нравится в ней
То, что кажется многим бравадой:
За окном эта осень нужней
В своих жёлтых и красных нарядах.

Мимолётом

Возьмёт меня за руку моё время
И отведёт туда, куда идет само.
Я по пути поговорю со всеми,
Пройду со всеми летом и зимой.

Я вспомню всё, что было, что забыла,
Себя напомним внукам мимоходом.
Шагает время, быстро. Не застыла
Моя душа, обветренная штормом.

Часы, минуты, быстрые мгновенья –
Не успеваю с ними измениться.
Ведёт меня безжалостное время
Туда, куда я не хочу стремиться.

Но выбор мне не дан судьбой суровой,
Под руку с временем иду через столетье.
Я вспомню всё, пройду большую школу,
Чтобы оставить след на этом свете.

Павел КИМ

г. Шымкент

* * *

Я родился в маленьком поселке
У большой, широкой Сыр-Дарьи,
Где ночами плачут перепёлки,
Солнце жарит землю, комары
До утра пишат под самым ухом,
Сом на перекате гонит рябь,
И глухой его удар об воду брюхом
Заставляет мелочь не дремать.

Я родился там, где хлопок в поле
К солнцу протянул листву-ладонь,
Где шумит базар – людское море,
Где песок жжёт ноги, как огонь.
Вырос я на кане, на циновке,
В мазанке, где потолок в мой рост,
Износил немало я обносок,
Прежде чем окреп и чуть подрос.

Я родился там, где дуют ветры
С осени всю зиму до весны,
Где морозы и снега так редки,
Что зимою листья зелены.
Мне легенды душу врачевали,
Ноги омывали капли рос,
Горлицы мне песни ворковали
Средь кустов душистых чайных роз.
Камыши с кугою на рассвете
Мне шептали песни и стихи.
Колыбель баюкал синий ветер,
Вдаль мечтой манили фонари.

* * *

Мне грустно, милая,
В лучах последних солнца
Я вижу паутин неясные черты.
Как радостно горит закат
в стекле оконца,
Но грустно мне,
уйдешь к другому ты.

Уйдешь, чтобы назад
не возвратиться,

Не улыбнуться мне
И не сказать «прости».
Горит закат,
как сказочная птица.
– Не уходи...
Не можешь ты уйти!

Не можешь, не должна
Всё зачеркнуть и снова
Начать с начала, с белого листа.
Но гаснет день.
Молчит в тиши дорога,
Зовя с собой,
туда, где красота.

* * *

И если я любил, то не тебя,
А ту, что создало моё воображенье,
Ту, что искал среди бела дня,
Она дарила мир и вдохновенье.

Она с собой меня звала
В пределы времени, пространства.
Она единственной была
Царицей моего же царства.

Напрасно я стремился слить
Твои черты с моим виденьем.
Огонь с водой не могут жить,
Любовь и сон – одно мгновенье.

Одно мгновенье наша жизнь,
Жизнь гаснет так, как тают свечи.
Стихами кружит жёлтый лист,
С берёзы мне упав на плечи.

Мой Казахстан

На фоне небес синева золотой
Орёл распластал свои крылья.
Парит он под солнцем
над милой землёй,
Свободной от зла и насилия.

Бескрайние степи, леса и луга,
Пустыни, озёра и горы –
Всё это Отчизна – Моя сторона,
Прекрасны родные просторы.

Тебя, моя Родина, мы обрели
В лихую и страшную пору.
Тебя полюбили, детей родили
И вместе отныне нам в гору.

Казах и татарин, чеченец, узбек,
Славяне, корейцы, иранцы...
Мы в дружной семье поселились навек,
И все мы теперь казахстанцы.

Мы вместе собрались, один шанырақ
Над нами, где звёздные танцы
Танцуют созвездия: Дева и Рак.
Мы дети твои, казахстанцы.

Комуз и дутар, домбра и дойра,
Гитара, скрипка и флейта,
Сойдутся и вместе поют до утра,
Как сладостна музыка эта.

Цвети, Казахстан, как тюльпан по весне!
Будь сильным, как вешние воды!
Навеки сошлись мы на этой земле,
Сплочённые дружбой народы.

Две эпохи

Я помню минуту – нашли мы тогда
Друг друга на этой планете.
И пусть мы с тобою не свили гнезда,
Мы счастливы были, как дети.

Я помню восторг и тревогу в душе,
Когда к тебе мчался на встречу.
Как ласточка в небе скользит в вышине,
Парил я, любовью отмечен.

Я помню минуту, как мы разошлись,
Как долго с тобой мы молчали,
И больше с тобой уже не сошлись,
Была та минута печали.

Простые минуты земной тишины,
Они не подвластны забвенью.
Две эти минуты – эпохи мои
Из жизни, как смерть и рожденье.

* * *

Позови меня, память,
Позови меня в путь.
В ту далекую заводь,
Где светла моя грусть,
Где камыш и осока
Шепчут ветру слова
Старой доброй легенды,
Где кружит голова.
Позови в ту долину,
Где над нею гряды.
Позови, я откликнусь
И вернусь я туда,
Где в воде по колено
Рис полол я тогда,
И где звёзды Вселенной
Полюбил навсегда.
Где мечты и реальность
Время в узел сплело.
Там, где детство и юность,
Там, где вечно тепло.

Михаил РАХУНОВ
г. Чикаго, США

* * *

На локоть от земли,
в пространстве между ёлок
Качается паук на гамаке своём.
И день осенний мил.
По-летнему он долго.
И дышится легко
таким осенним днем.

Шуршат машины в тон
чуть слышного звучанья
Протянутых ко мне
хрустально-жёлтых рук.
И солнце, как желток.
И окна за плечами
Его несут в себе,
раздваивая вдруг.

Неспешно закурив,
смотрю на дом соседский,
На паука смотрю, на кружева игру.
И верую взахлеб,
так искренне, по-детски,
Что мы с ним навсегда,
что вовсе не умру.

Чудеса

Он сидел в глубоком кресле,
Загустив от мелких дел,
А потом сказал: «Что, если...»,
Взял себе и полетел.

Никакой не зная меры,
Мимо кресла и стола,
Выше лампы и портгьеры
Его сила понесла.

Непристойно – шар в пижаме,
Он завис под потолком.
Всё могло случиться с нами,
Если б мы вошли в тот дом.

Но, бездарно, мы с тобою
Проводили день в кино...
Только солнце золотое
Билось, жёлтое, в окно.

Кот не спал, мурчал беспечно,
Взгляд бросаю из-под век.
И летал познавший нечто
Окрылённый человек.

* * *

Умирает старое, прорастает новое,
Только в полном здравии серебро столовое.
Вынули, почистили, отгуляли праздники,
И в буфет – для следующей, так сказать, оказии.

Пусть дома разрушены, души пусть развеяны,
Но живет столовое серебро вне времени.
Знающее в точности меру своей ценности,
Спрятано, ухожено – и навеки в цельности.

Не дано нам, пишущим, быть в такой же почести.
Не дано нам, ищущим, –
ни в труде, ни в творчестве.
Всё так хрупко, временно, как весна на Севере,
И всем нашим опусам – тенью жить на сервере.

* * *

Просто осень, вы скажете, но это – конец,
Время сброшенных листьев, разбитых сердец,
Одиноких скамеек в саду городском,
Где обрывки газет вперемешку с песком.

Расползаются тени по парку ползком,
Птичья стая кружит над соседним леском,
Тротуар, серебрясь, как сухой леденец,
Всё хрустит и уходит во тьму наконец.

* * *

Я только зайчик солнечный смешной,
Живой осколок на стене покатоной.
Вечерний мрак расправится со мной,
Встав в полный рост над тлеющим закатом.

Я растворюсь, исчезну, убегу
За горизонт короткими прыжками
И где-то там, на дальнем берегу,
Вновь оживу, присев на тёплый камень.

Меня увидев, радоваться вам
Так хочется, и, поиграв со мною,
Вы вдруг опомнитесь, что я один обман,
А правда там – за серою стеною.

* * *

Щурясь на мир удивительно добро,
Вас изучает застывшая кобра.

Прячась в траве, где могильные плиты,
Знает она, что вы ею убиты.

Вы еще живы и, двигаясь бодро,
Шаг приближаете, ловко и смело,
К плитам могильным, где прячется кобра,
Вверх поднимая упрямое тело.

Гимн самому себе

И что ни говори, я всё-таки поэт.
Возможно, здесь и нет ни капли чувства меры.
И пусть одни слепы, другим и горя нет –
Я все-таки поэт! Я есть. Я не химера.

Смотрю на божий мир. Вдыхаю молоко –
Как воздух этот свеж! – рассвета и заката.
Я всё-таки поэт – и значит, мне легко!
Я далеко уплыл – и нету мне возврата!

Лелейте свой барыш. Копите тяжело.
Считайте каждый цент, всё выложив для дела.
А я парю – поэт! Мне, значит, повезло.
Я крылья приобрёл – и нету мне предела.

Читателю

Я подарю тебе мой непутевый пафос,
Прерывистую речь – несложное шитье,
Где на холсте стиха нить выжатых метафор
Рисует впопыхах прозрение мое.

И что тебе оно? Зачем тебе этюды,
Наброски, сценки, бред, пустая болтовня?..
Я подарю тебе осколки, пересуды.
Ты склей.
Ты собери.
И ты поймёшь меня!

* * *

Арабская вязь – как барашки на море.
И море всё ближе и ближе, и ближе.
Уже подступает
к таджикским предгорьям,
Уже Фергану и Туркмению лижет.

И русские буквы с домов опадают –
Как листья – с табличек
и вывесок длинных.
Наверно, навеки. И тают, и тают.
А лица грубеют, темнеют и стынут.

По улицам мусор ненужный бумажный
Летает – обрывки судеб и событий.
И дети. Их труд повсеместный ужасен.
Безрадостен взгляд их. И нелюбопытен.

Асан БЕЙМБЕТОВ
г. Шымкент

Солдат Любви

Памяти Батырхана Шукенова

Мы вспоминаем гениального артиста
И легендарного эстрадного певца,
Чьё творчество, как лучшего солиста,
В сердцах поклонников живет всегда.

Мы вспоминаем экстрамузыканта!
Чьи песни льются прямо из души,
Певец огромного и редкого таланта.
И это – он, «Солдат Любви»!

Он скромный был, интеллигентный,
Душа его – отточенный бриллиант.
Для нас ты, Батыр, несомненно,
С заглавной буквы Музыкант!

Художник музыки душевной,
Кудесник лучших песен тех,
Что слушают умом и сердцем,
И в памяти живут у всех.

Служитель Музы и искусства,
На саксофоне – виртуоз!
Он спел немало добрых песен.
Таких не будет мастеров!

Он без остатка отдавался
Великой сцене до конца.
И, вдруг, – всё это оборвалось...
И чья же в этом тут вина?

Тебя мы больше не увидим;
Твой саксофон теперь молчит.
Наверно, мы других услышим,
Но голос твой в сердцах звучит.

Ода нотам

Какие ноты в песенном куплете,
Наверно, знает каждый это.
От первой ноты «до»
и до последней «си»,
Все в нотном стане расположены они.

Изобретатель нот – монах Гвидо,
Учитель музыки и пения.
Система сольмизации его
Так и осталась неизменной.

У каждой ноты есть название,
Семь нот любви, семь слов познания.
Их корни взяты из латыни,
Живущей издавна и ныне.

Так нота первая – Dominus,
Что в переводе есть Господь!
Вторая нота – это *Rezum* –
Материя, иль просто плоть.
А третья нота, *Miraculum*,
По сути, означает Чудеса!
И нота фа – *Familias planetarium* –
Семья планет, которым нет конца.
А пятый нотный знак – *Solis* –
Гимн Солнцу,
написал сам Ференц Лист.
Вот мягкая и тонкая *Lactea via* –
В нем Млечного пути звезда светила.
И заключительная нота, *Siderae*, –
Такие Небеса, где есть ворота Рая!

Сплетенье нот между собой –
Рожденье музыки прекрасной.
Нельзя быть нотам по одной,
Ведь каждая другой причастна.

Широк диапазон мелодий,
От гимнов, опер до рапсодий.
Заложен разный смысл в них.
Придумал композитор их.

Шедевры музыки высокой,
Проникновенной и глубокой
Из нот рождают виртуозы,
Послужит что апофеозом!

Поэзии чарующие строки

Лучом Божественного Света,
С которого всё началось.
Почувствовал себя поэтом,
Стихотворенье удалось...

Эмоции в потоке мыслей,
За строчкой следует строка.
И как ручей весенний, быстрый
Слова лились из-под пера...

Стихотворенья для поэта –
Как родниковая вода.
Люблю поэзию за это,
Ликует в ней моя душа.

Вот только б сочинять со смыслом,
Чтоб философская строфа
Была б раскидиста, ветвиста,
И чтоб побольше в ней огня.

Что выйдет с этого, не знаю,
Надеюсь, что пишу не зря.
Поэзией предвосхищаясь,
Вникаю в сущность бытия...

Невежество и ум

(Притча о споре тигра и осла)

Ты никогда не спорь с ослом,
Поскольку это бесполезно.
А лучше промолчать при нём.
Не переспоришь, хоть ты тресни.
«Трава вся синяя вокруг», –
Осёл вдруг тигру заявил.
«Ты ошибаешься, мой “друг”,
Зелёная трава!» И тигр вспылит.
И разгорелся дикий спор.
Пошли они к царю зверей.
Осёл усиливал напор,
Твердил своё округе всей.
У трона льва осёл кричал,
Что синяя трава вокруг.
С ответом лев не задержал:
«Ты прав, осёл». И замкнут круг.
Осёл кричал уже вдвойне:
«Прошу вас тигра наказать!
А то я очень утомился
Его в понятном убеждать».
Вердиктом льва был тигр наказан –
Три года должен он молчать.
Осёл от радости и счастья
Готов был прыгать, танцевать.
Ко льву у тигра был вопрос,
За что наказан, в чём вина?!
Осёл не прав, а с тигра спрос?
Тут надо б наказать осла?!
Достойно лев ответил тигру:
«Умён и храбр ты был всегда.
С ослами не води ты игры,
Каким бы цветом ни была трава».
Запомни правило тогда
И применяй его всегда...
Когда невежество кричит,
Ум ясный, он всегда молчит!

Канат ТАСИБЕКОВ

г. Алматы

Я собаку прощаю...

Я собаку прощаю за то,
 Что на брюхе её ненасытном
 Расположились парно сосцы.
 И всё то, что собака найдёт,
 Украдёт, раскопает в грязи,
 Превратится потом в молоко,
 То, что будут сосать щенки.

Я волчицу прощаю за то,
 Что, попав в железный капкан,
 Отгрызает она себе лапу
 И уходит, свободная, в лес
 Танцевать свой последний канкан.

Я медведя прощаю за то,
 Что, загнав себе щепку в лапу,
 Он за помощью может к охотнику
 Сам прийти, а не как арестант по этапу.

Петуха я прощаю за то,
 Что, как бы он ни устал от пеструшек,
 Рано утром он спящих разбудит,
 Даже тех, кто после пирушек.

А себя я прощаю за то,
 Что из слов, что все знают,

Собираю я некие мысли,
 И есть люди, что их читают.

**Стихи, написанные,
 когда Г. К. Бельгер
 попал в больницу
 (подражание Есенину)**

Не знаю, не помню,
 В одном селе,
 А может, ауле,
 В Северном Казахстане,
 Жил мальчик
 В простой немецкой семье,
 Желтоволосый,
 С голубыми глазами...
 В наших аулах
 Немало росло
 Браунов, Шмидтов,
 Кауфманов, Бахов,
 Все они выросли,
 Многие уехали
 В Фатерлянд,
 А Бельгер остался,
 Он выбрал казахов.

И вот он писатель,
 Пусть не поэт,
 Сраженный инфарктом,
 В больнице лежит Совмина.
 Когда мы пойдем
 Наконец, что наш долг
 Беречь его больше, чем сына?

Друг мой, друг мой,
 Я очень хочу сказать,
 Что важно сейчас для страны,
 Для каждого казаха и не казаха,
 Чтобы Бельгера лечили
 Лучшие в мире врачи.
 А остальное
 Пусть будет в руках Аллаха!

Кто-то в Грузию рвётся хлебнуть там винца

Кто-то в Грузию рвётся хлебнуть там винца,
 Я же к монгольским казахам – попить кумыса.
 Для кого-то так сладко звучит Тбилисо,
 Мне же горло порвет конской кожи лассо.

Лабиринтами улочек бродят в Тбилиси казахи,
 Примеряют черкески, надевают папахи,
 Я же езжу в Монголию, езжу в Узбекистан,
 Тюрк я, я скачу по степи, одеваю дархан.

Да, ребята, в Грузии горы, а в речках форель,
А ткемали какой, что там твой бешамель!
Шашлыки из свинины, сулугуни и мчади,
У усаых мужчин столько неги во взгляде.

Там на пляжах Батуми прекрасный боржом,
Там вино из квеври вам нальют литражом,
Гоги вам принесет хачапури и хмели-сунели,
Гиви же сулугуни, чтобы вы не пьянели.

Там прекрасные люди, милые все генацвале,
На Казбек с ними вы поднимались, Мимино вспоминали.
А из наших вершин покорили вы лишь Кок-Тобе,
В жизни вы не сидели в казахской арбе.

Из осётра не ели бешбармак в Атырау,
Құдалар не водили по тропе в Кок-Жайляу,
Вы не знаете, где мавзолеей Алаша хана,
У поющего вечером вы не сидели бархана.

В Туркестане вы не были у Ясави,
Не лечились в Катон-Карагае струёй кабарги,
А всё в Грузию рвётесь, попить там винца.
Эх, казахи, когда же вы полюбите сами себя...

Захотите узнать, как бросают аркан,
Как священный шанырак поднимать на бакан,
То, как делают курт, как сбивают кумыс,
То, как беркут с руки устремляется ввысь,

Как пульсируют кровью маральи рога,
Как в степи к водопою крадётся сайга,
Как в весенней степи цветут красные маки,
Как их топчут, оскалясь, в байге аргамаки...

Эх, да что говорить, это наша стезя,
Умиляться другим, презирая себя,
Над своим насмехаться, язвить и шутить,
На своих заработать, чужим заплатить.

А в двенадцатом веке, вы вспомните, братья-казахи,
В Гуржистан на конях приезжали кипчаки,
Царь грузинский Давид им тогда сам платил,
Чтобы тесть его – хан половецкий, их страну защитил.

Ну, да ладно, история здесь ни при чём,
Мы в сегодняшнем мире мобильном живём,
Заработал копейку – потратить её тут,
И подумай, кем дети и внуки растут.

